

ГЛАВА 1

Этот жуткий сон... Он повторялся уже трижды и всякий раз напрочь выбивал ее из колеи. Она просыпалась с глухим стоном, с прилипшими ко лбу мокрыми от пота волосами, судорожно колотившимся сердцем и с непроходящим ощущением надвигающейся беды. Потом целый день не находила себе места, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь логическую подоплеку этого сновидения.

Стыдясь самой себя, таясь ото всех, купила в подземном переходе сонник и украдкой выискивала там возможные толкования ее ночного кошмара. Хотя, в сущности, таиться ей было незачем и не от кого. Никто не мог заглянуть ей через плечо и застать за столь несерьезным занятием. Никто не мог потребовать от нее объяснения, уговорить поделиться тем, что ее мучило, чтобы потом развеять все страхи, посмеяться над ними, объяснив все ее крайним переутомлением и нездоровьем. Сделать это было совершенно некому, потому что уже пять лет рядом с ней не было родной души.

У нее был муж, но его существование рядом с ней для нее равным счетом ничего не значило. Оставался еще кто-то из прежних друзей, которые старательно не замечали ее угрюмой отстраненности и всячески по-прежнему пытались проявлять по отношению к ней участливое расположение. Они зазывали ее в гости.

Справлялись о здоровье. Вели светские беседы, старательно обходя стороной болезную тему ее прошлого. Но все это было не то. Не то, что было ей нужно в ее теперешней жизни, не то, что было прежде...

— Эмка, ты превратилась в статую! — не выдержала однажды одна из бывших ее сокурсниц, всячески пытавшаяся растормошить ее в канун рождественского карнавала. — Ну нельзя же так! Жизнь продолжается! Похоронить себя заживо в твои-то неполные тридцать...

Она в ответ лишь недоуменно пожимала плечами, не без удивления отмечая справедливость замечаний приятельницы. Она и вправду превратилась в изваяние. Не испытывая ни чувств, ни боли, ни радостей. Все кончилось для нее. Кончилось несколько лет назад.

Сначала погибли ее родители. Погибли страшно — были среди бела дня взорваны в собственном автомобиле на глазах у десятка свидетелей. Осиротев тем далеким мартовским днем и почернев от горя, Эльмира даже не могла себе представить, каким жутким эхом отзовется эта трагедия год спустя.

Началось все со звонков незнакомых ей людей, требовавших от нее возврата каких-то баснословно дорогих бриллиантов. Она была напугана, потрясена, растеряна. Потом на нее обрушилась новость, буквально подкосившая ее. Эльмира узнала, что ее покойный отец, скромный художник местного театра, сколачивал состояние и обеспечивал безбедную жизнь своей жене и дочери, занимаясь весьма неблагоприятными и незаконными делами. Он не брезговал ничем. В числе его подвигов числилось и распространение наркотиков. Следом всплыло предположение, что ее родители погибли из-за тех самых злополучных бриллиантов. Ока-

залось, что в день гибели ее отец, исполнявший в том деле роль курьера, должен был доставить их одному из местных ювелиров. Встреча не состоялась. Отец погиб. Бриллианты исчезли.

Эльмира никогда не видела этих камней. Ничего и никогда не слышала о них, в чем долго и безуспешно пыталась убедить тех, кто надеялся их получить и кто усугубил ее трагедию, создав ей массу проблем.

Затем в ее жизнь буквально вломился Данила, сосед по площадке, успевший повоевать в Чечне. Вломился нахрапом, бесцеремонно, сокрушив ее ослабленное горем и проблемами сопротивление. В результате она вышла за него замуж.

Сейчас, по истечении пяти лет, оглядываясь назад, Эмма недоумевала, как случилось, что она дала согласие на этот брак?! Как позволила нарядить себя в подвенечное платье и увести себя в загс, а затем и в церковь?! Это же было безумие, фарс, фальшь наконец. Во всяком случае с ее стороны. Она же никогда не любила его. Никогда! Да, он сумел помочь ей, подставив свое сильное плечо, и вызволить из беды в трудную минуту. Да, он сумел вытащить ее из-под пули, которую ей уготовил один из помутившихся рассудком народных мстителей. Пожертвовал жизнью своего друга, стоило тому лишь намекнуть, что неплохо бы завладеть ее наследством. Эльмира была ему признательна за это. Она уважала его за смелость и жертвенность. Она отдавала должное его преданности. Но этого было недостаточно для брака. Мало для того, чтобы они были счастливы рядом.

Видимо, беды и отчаяние тех дней ослабили ее рассудок, раз она ответила ему «да».

— Ты будешь со мной счастлива, Эльмирочка! — жарко шептал Данила ей на ухо, осторожно прижимая

к себе, будто она не человек вовсе, а нечто фарфоровое, хрупкое и ломкое, которое с трудом можно было удерживать в руках и не повредить. — Вот увидишь! Я все сделаю для этого!!!

Он и делал. Делал, как умел. Как его научила этому улица. Уставшая от жизни мать. И армия, искажившая его представление о нормальной мирной жизни...

— Что тебе еще нужно?! Что?! — орал он на нее три года спустя, швыряя над ее головой заработанные им деньги. — Тебе этого мало?! Я же ломаюсь, как проклятый!.. Я же из сил выбиваюсь! Я же все жилы порвал, чтобы ты была обеспечена и счастлива! Чтобы ты ни в чем не нуждалась. А ты вечно недовольна. Твоя хандра... Боже мой! Меня с ума сводят твои насупленные брови. Твои губы... Я забыл, как ты улыбаешься!..

— У меня мало поводов для радости, — обычно возражала ему Эмма, имея в виду его постоянное отсутствие и усталость, а также свое одиночество.

— Да?! А кто, скажи, способен тебя порадовать?! Кто?! — Данила моментально закусывал удила, и начались долгие игры в непомерную ревность.

Чего только не доводилось ей выслушивать в такие минуты. Ей вменялась в вину даже ее красота, которая неизменно приковывала к себе мужские взгляды на улице. Ее ноги, походка... Они были не такими, как у большинства возвращающихся по вечерам с фабрик и заводов женщин, населяющих их дом. Она не так несла голову, слишком высоко задирая подбородок. Высокомерности и холодности ее взгляда могла позавидовать английская аристократка...

— Что ты о себе возомнила?! — сатанел Данила, кружа вокруг нее подобно хищнику. — Кто ты такая вообще есть?! Что ты смогла бы сделать, если бы меня не было рядом?! Ты бы давно переселилась на кладбище,

под общую могильную плиту со своими родителями, если бы не я! Твоя любезная подруга!.. Ты так любила ее. Разве могла ты представить себе, что она трахается с твоим великолепным талантливym папочкой?! Разве могла ты предположить, что это именно она отправила его на тот свет, изведаясь от ревности, когда он решил ее бросить?! Ей ты верила! Ее ты любила! А меня нет...

Зойку, свою самую близкую и верную подругу, Эльмира действительно любила. И верила ей без остатка. Верила и доверяла. Оказалось, что напрасно. Искусная в своей подлости и вероломстве, Зойка не сильно напрягалась, используя Эльмиру в своих целях. Ведь это она закрутила всю историю с пропавшими бриллиантами, ошибочно полагая, что они у Эммы. Она, оставаясь в тени, навела на нее бандитов, вложив в их не слишком умные головы мысль о возможной причастности Эммы к столь дорогостоящей пропаже. Она спровоцировала все ее беды и несчастья, ожидая, что подруга чем-то выдаст себя. Испугается и выдаст. И тогда...

Но Эльмира ничего не знала. Ей угрожали, ею манипулировали, ее едва не убили из-за пропавших сокровищ. Но тайна осталась тайной. Погибли люди. Зойка покончила жизнь самоубийством, застрелившись в собственной квартире. Застрелилась, когда поняла, что проиграла, что тайна «копей царя Соломона» унесена в могилу отцом Эльмиры...

После ее смерти особых кругов по воде не пошло. Все утряслось почти само собой. Пусть не без помощи и содействия все того же Данилы, но даже и без его участия проблем у Эммы поубавилось бы, найди она в себе силы заняться устройством собственной жизни. Но в том-то беда и заключалась, что не было у нее сил. Их совсем не осталось.

Еще не совсем оправившись от горя после гибели родителей, Эльмира едва сохранила рассудок, оказавшись в эпицентре событий, подстегиваемых жадностью, подлостью, предательством, низостью и трусостью... Под напором обрушившихся на нее несчастий девушка буквально сломалась. Пустые, ничем не заполненные дни. Бессонные ночи с глухой беспросветной тоской по безвозвратно ушедшему счастливому времени. Она даже не пыталась бороться, а лишь глубже и глубже погружалась в бездну меланхолии.

— Ты каменная!!! — не выдерживал Данила, упрекая ее в холодности. — У меня такое чувство, что ты умерла тогда вместе с ними со всеми...

Эльмира жалела его в такие минуты. Стыдилась своей холодности и равнодушия, но ничего не могла с собой поделать.

— Что ты с нами творишь, черт бы тебя побрал?! — кричал он порой ей со слезами в голосе. — Что ты делаешь с собой?!

— Я просто доживаю свой век, Данила...

В тот день, когда она это произнесла, он все-таки разрыдался. Это было жуткое зрелище. Сначала Данила остолбенел. Вытаращил на нее остановившиеся глаза. Затем надломился, будто мгновенно лишился внутреннего стержня. Губы его скривились в невыносимой гримасе и задрожали, невероятным усилием он попытался скрыть рвущийся из груди отчаянный крик. Стиснул пальцы, хрустя суставами. Плечи вдруг затряслись, и он заплакал. Взрослый, сильный мужик давился рыданиями, неумело размазывая слезы по лицу. Никогда ни прежде, ни потом Эмма не чувствовала себя такой дрянью, как в этот момент. Она проклинала себя за бездушие, ненавидела за то, что, обнимая мужа и поглаживая его по дрожащим плечам, не испытывает

к нему ни капли нежности. Неловкость, какое-то подобие раздражения — да, но ничего похожего на нежность...

— Никогда не смей больше так говорить, слышишь?! — просил он, обнимая ее колени и осыпая их поцелуями. — Не смей так говорить!!!

Она больше никогда не произнесла этого вслух. Но определив для самой себя свое жизненное кредо, немного успокоилась. Да. Чего, собственно, мучиться и изводить себя беспрестанной тоской, если ей остается только терпеливо дожидаться своего неизбежного близкого конца. Отгонять мысли о смерти не значит выторговать у нее себе бессмертие. Эльмира не боялась этих мыслей. Они ей даже нравились. Она находила в них какое-то маразматическое удовольствие, мысленно выбирая себе погребальный наряд, гроб и режиссируя весь похоронный обряд. Это ее даже, пожалуй, развлекало и отгоняло прочь скорбные мысли о тщетности собственного бытия.

Дни шли за днями, но смерть не спешила со своим визитом. Более того, по истечении годичного срока ожидания у Эммы появилось подозрение, что гнусная старуха ее просто-напросто избегает. Она косила ряды ее друзей и знакомых, незаметно подкралась и к ее свекрови, уложив в постель с безнадежным диагнозом, а ее определенно обходила стороной.

Эльмира занервничала. На смену исполненным торжественного сияния и душевного покоя дням в ожидании быстрого и тихого конца вновь явилось постоянное глухое недовольство собой и своим окружением, раздражающий фактор никчемности собственного существования стал преобладающим. Безмерно начала раздражать безмятежность обывательского счастья соседей.

Она стала агрессивной, вечно всем недовольной, постоянно брюзжала. Ее бесило буквально все.

Свекровь отказалась поесть и уснула после инъекции — тварь неблагодарная. Могла бы и поесть, оценив по достоинству ее кулинарные изыски, крутилась на кухне битый час, протирая овощи сквозь ситечко.

Тетя Зина, соседка с первого этажа, попросила купить ей продуктов — лентяйка и иждивенка. Супермаркет за углом. Чего не сходить, когда целыми днями дремлет на скамейке у подъезда. Все почему? Любопытство замучило. Вдруг в ее отсутствие что-нибудь произойдет, а она не увидит.

Данила притащился с очередной шабашки заросший, грязный и дурно пахнувший. Быдло сермяжное. Мог бы и в порядок себя привести, прежде чем ей на глаза показываться. Знает ведь, что она его с трудом терпит, а если не знает, то давно бы догадаться пора...

Эльмире порой казалось, что она безумна. Так ненавидеть людей, так не переносить все то, что тебя окружает, мог только человек с полностью разрушенной психикой. Она запиралась в своей комнате. Часами редела, благодаря Господа хотя бы за то, что не лишил ее такой возможности. И просила, просила судьбу об избавлении от мерзости своего существования...

Исцеление от ее безумства наступило как-то вдруг и сразу.

В тот день умерла ее свекровь. Умерла тихо, с улыбкой. Хотя страшная болезнь иссушила ее тело и вымотала душу. За два часа до конца она вдруг пришла в себя и глазами сделала ей знак присесть рядом.

Эльмира взяла табуретку и, установив ее ближе к изголовью, села.

Вера Васильевна, прежде тучная, дебелая матрона, а теперь сухонькая, едва угадывающаяся под одеялом

старушка, открыла глаза и совершенно осмысленным взглядом уставилась на сноху.

— Не смей его обижать! — голосом прежней властной Веры Васильевны вдруг отчетливо произнесла она.

Эльмира от неожиданности даже вздрогнула. Все последние дни ее свекровь лишь шипло просила воды и лекарства. Задыхалась, шипела что-то плохо различимое, а тут вдруг полный силы голос...

— Что вы! — забормотала она, оправившись от потрясения. — Вы о Даниле? Все будет хорошо, Верочка Васильевна. Вы не печальтесь. Все будет хорошо...

— Нет. — Боже, насколько была сильна любовь этой женщины к своему сыну. В эти последние минуты она расходовала свои последние силы на то, чтобы выпросить у нее для него благодати. — Ты ненавидишь его. Я все вижу. И меня и всех. Эмка, ты глупая, грустная баба. Зажртая по всем статьям. Не знаешь, чего хочешь от жизни. А жизнь, она... Ох, знала бы ты, дура, как пожить-то охота... Все внуков ждала от вас. Думала, что родишь и поумнеешь. А тебе Господь и детей не дал, потому как пустая ты внутри. Вся пустая. Без сердца ты. А коли сердца нет, значит, и любить не можешь. Данилушка, сыночек...

Вера Васильевна прикрыла глаза, и грудь ее начала с шумом вздыматься. Пальцы судорожно вцепились в край одеяла. Обесцвеченная голубоватая кожа натянута на острых костяшках суставов, того гляди порвется. Эльмире сделалось жутко. Время клонилось к вечеру. За окном смеркалось, комната погружалась во мрак. Она побоялась зажечь свет, чтобы не беспокоить больную, и сейчас жалела об этом. А тут еще Вера Васильевна, которая было затихла, вновь открыла глаза и начала говорить. Теперь каждое слово давалось ей с большим трудом.

— Не смей обижать его!.. Он у меня один... Он любит тебя без памяти... И всю жизнь будет любить тебя... Только тебя одну... За что ему это, Господи?! Хоть бы ты послал ему другую девушку, а не эту..

Обижаться на умирающую женщину, лопочущую в предсмертном бреду гадости, было бессмысленно, но неприятное чувство все же разлилось в груди. Первым порывом было встать и уйти в свою квартиру, что располагалась напротив, на одной лестничной площадке. С какой стати ей здесь сидеть?! Данила, зная о том, что матери осталось недолго, где-то шабашит. Будь прокляты его деньги! А она обязана сидеть у смертного одра этой обезумевшей тетки, выслушивать в свой адрес гнусности да еще трястись как осиновый лист.

Да, она не могла не признаться сейчас самой себе, что смерть страшна.

— Эмка... — снова захрипела ее свекровь. — Включи свет. Хочу посмотреть последний раз на тебя. Скоро будет темно...

Сорвавшись со стула, Эльмира щелкнула выключателем и снова вернулась к изголовью умирающей. Села на табуретку. Подняла глаза на лицо Веры Васильевны и ужаснулась. Та плакала. Как же страшны были слезы умирающей женщины!..

— Клянись, гадина! — сипло потребовала свекровь и вдруг, совершив над собой невероятное усилие, приподняла свою невесомую руку и вцепилась в ее запястье. — Клянись, что не бросишь его никогда! Что бы он ни совершил, что бы ни сделал, ты его не бросишь!

Эмма едва не завизжала от ужаса, такими холодными показались ей пальцы свекрови. Безжизненно холодными, хотя в глазах еще билась жизнь.

— Клянись!!! — уже сипела Вера Васильевна. — Клянись, я умираю!.. Никогда не бро...

Пальцы ее обессиленно разжались, и рука упала на пододеяльник. Глаза начали закатываться. Дыхание все реже вырывалось с сипом из горла, но губы упорно шевелились. И в шевелении этих обескровленных, сильно покусанных в моменты приступов губ Эмма снова и снова слышала это слово.

Движимая непонятно каким порывом, она вдруг склонилась к ее уху и закричала:

— Я не брошу его, Вера Васильевна! Я никогда его не брошу! Я клянусь вам! Я клянусь!!!

Дыхание свекрови остановилось минуты через две-три, не больше. Тело дернулось и затихло. Эльмира выпрямилась и не без изумления воззрилась на лицо только что почившей. Боже правый, она улыбалась. Тепло, искренне, облегченно. Кто мог сказать, что означала эта ее улыбка. То ли радость избавления от боли и мучений. То ли радость от слов, что прокричала ей в непонятном порыве Эльмира. Спроси ее в тот момент, что послужило толчком к ее поступку, она бы ни за что не ответила. Но как бы то ни было, она это сказала. А сказав, отступиться от своих слов уже не могла...

ГЛАВА 2

Уже менее чем через полгода Эльмира сильно пожалела о содеянном. Более того, она прокляла себя за необдуманый эмоциональный всплеск, наложивший на нее суровую епитимью, — зваться женой Данилы Емельянова.

Не болтай она чего ни попадя над изголовьем умирающей, так и не мучилась бы сейчас. Просто-напросто развелась бы с ним, и конец мучениям. А так... А так приходилось денно и ночью терпеть его присутствие рядом с собой. Присутствие человека, день за